

— Олесь Терентьевич, хочется начать разговор с приверженности поэтов к вашему творчеству. Эпиграфом к стихотворению о сокровенном Максим Рыльский избрал ваши строки. Иван Драч посвятил вам свое проникновенное произведение. Сегодня в республиканской писательской газете исследуется тяготение Павла Тычины к идейному и образному миру ваших книг. Не могли бы вы поделиться мыслями в связи с этим?

— Не скрою, для меня сегодняшняя публикация — дорогое слово. Мне дороги приведенные в ней мысли, замечания, так как это мысли поэта, которого люблю, поэта поистине удивительного, художника мировых масштабов. Вряд ли есть в украинской поэзии художник, сумевший более значительно и емко обобщить саму сущность эпохи. Певец «чувства семьи единой», Тычина необычайно человек, сложен, глубок, о чем, в частности, свидетельствует поэма-симфония «Сковорода», опубликованная уже после его смерти. Тычину мы еще будем и будем открывать, постигать всесторонне, подобно тому, как он сам постепенно в течение лет постигал великого народного поэта и философа XVIII века Григория Сковороду.

По тонкости письма, по музыкальности Тычину нередко сравнивают с Александром Блоком. Вскоре — в январе — будет отмечаться девяностолетие Тычины. Поэты-современники перекликаются между собой во многом. Общий дар предчувствия, гениальная интуиция сближают этих провозвестников революции, хотя каждый из них совершенно неповторимо выразил свои чувства в музыке стиха. Тычина, особенно ранний, поры «Солнечных кларнетов», входит в наше сознание как поэт солнца, торжества жизни, революционной весны народа, и в то же время благодаря ему в нашу литературу вошли так называемая космическая тема, поэзия звездных миров.

Тычина, по сути, первый из европейских поэтов дал поэтическое воплощение властной страсти современного человека — его порыву в космос. Возьмите цикл «В космическом оркестре». Представьте только, когда рождались эти удивительные стихи! Разруха в молодой Советской стране. От голода умирает любимая сестренка поэта, смерть уносит и его брата, кулацкая пуля настигает друга Тычины — сельского агитатора, Павло Григорьевич с женой живут впроголодь, ходят, как он сам вспоминал, «провоолокой прижимая подошвы, чтобы не отвалились». И сквозит все это изпод пера поэта, из его сердца рвутся строки: «Люди, любите землю! Поэты, в космос ведите!» Благодаря Тычине на заре революции в нашу поэзию входило «звездное мироощущение», входил «звездный человек», стремившийся осознать себя и сущность бытия во всей его сложности и даже непостижимости.

Разумеется, речь идет не о мистике, а о той же гениальной интуиции, о фаустовской жажде познания — об особых свойствах большого таланта. Загадочность была присуща творчеству всегда, если понимать ее как ясновидящую силу прозорлив художника. На международном симпозиуме в Венеции о месте и роли Гоголя в европейской культуре мне привелось убедиться, сколько умов бьется сегодня над «загадкой Гоголя» — путями его проникновения в святая святых человеческого духа. Или его землячка — полтавчанка Катерина Белокур. Иначе чем волшебницей нельзя ведь ее назвать! Магическая красота картин, проделавших путь от сельской хаты до залов Лувра, покорила и такого зрителя, как Пабло Пикассо... Эйнштейн утверждал, что Достоевский дает ему больше, чем знаменитый математик и физик Гаусс. Познание глубочайших тайн человеческой души, оказывается, может иметь значенье всеобщее. В этом смысле творчество поэтов и творчество романистов более близко, чем это представляется внешне. Дело, видимо, заключается в том, чтобы глубже исследовать человека, предполагать глубину и значительность в человеке, самом вроде бы обыкновенном.

— Образ степи неизменно наделен у вас поэтической силой. Вы родились, выросли в степи, связаны с ней многими корнями... Как, на ваш взгляд, соотносятся автобиографичность и масштабность в творчестве?

— Украинские степи — это и наше легендарное прошлое, и живая, напряженная современность, и, конечно, люди. Это сталеваз Макар Мазай, не покорившийся фашистам. Это Паша Ангелина и Макар Посмитный. Это наш современник Марк Брага, дважды Герой Социалистического Труда, знатный комбайнер с Херсонычины. Я видел степь алой от цветения тюльпанов, черной от суховея. Видел ее вздыбленной от разрывов снарядов, знаю ее и ласковой, такой прекрасной в мирные покоевые дни. Люблю степь, а писать стремился о том, что любишь, или о том, что враждебно твоей любви.

Относительно автобиографичности. Для меня всегда интереснее писатель, в чьих книгах улавливаю личную судьбу автора. «Война и мир», эпопея, которую просто не охватить во всей масштабности, вобрала сокровища души Толстого. Насколько автобиографичен Экзюпери, еще

На золотистом переплете — «Олесь Гончар. Письменничий роздуми». Название новой книги писателя-академика дала статья с подзаголовком «Как создавались «Знаменосцы», опубликованная журналом «Вопросы литературы». «Грохочет и грохочет эшелон, мчится среди ночных просторов. У меня в изголовье полевая сумка, в ней беглые фронтовые записи, чужеземные географические карты, где-то наспех вырванные из учебника; на них помечен путь нашего гвардейского полка. И еще — черновики стихов...»

Стихи, рождавшиеся «в седле и в землянке, на марше и в минуты перед боем», служили «поэтическим пунктиром» дней войны. Написать о человеке на войне предстояло книгу. Сержант-минометчик, ставший в июне 41-го добровольцем Харьковского студенческого батальона, в этом долгу перед товарищами, пазами и живыми, мысленно присягнув себе в мае 45-го, в освобожденной Праге, в доме по Гибернской, 7, в комнате, которая слышала шаги и голос Ленина.

Заводской поселок близ Днепропетровска. Обживающаяся после войны на пепелище семья старшей сестры. О рабочей среде с ее радужным писателем в «Раздумьях» рассказывает увлеченно и образно. О собственной работе под книгой говорит до предела кратко: «За сравнительно небольшое время были написаны «Альпы» — первая часть будущей трилогии. Послал рукопись в Киев, в журнал «Вітчизна». Оттуда пришел ответ, что рукопись прочитана и одобрена Юрием Яновским».

Олесь ГОНЧАР:

более — Хемингуэй, все его творчество, по существу, одна книга о жизни незаурядного человека, написанная в разных жанрах. Таков Довженко, особенно в «Зачарованной Десне». Вспомните страницы, которые художник посвящает матери. В будничных ее хлопотах — мудрость, жизнелюбие и значительность духовно богатого человека, наделенного философским отношением к труду, ко всему окружающему. В этом, очевидно, суть: как осмыслены автобиографические события. Скольким яблонам, подсолнухам видели мы на экране после доженковской «Земля», а до высоты символа, просветляющего душу, подвинулись яблоны, подсолнухи, поэтически воспеты Александром Довженком. Творчество — голос и жизнь в целом, и самой души художника. В произведении искусства человек никогда не утаит, каков он есть. Ограниченность авторского мировоззрения, души делают таким же и произведение, внутренняя неискренность привнесет и в книгу фальшь, сколько бы автор ни твердил, что все, описанное им, «было на самом деле». Все дело, видимо, в способности автора соотносить пережитое с идеалом и, конечно, в том, насколько совпадают его идеал и идеал народа. Как современно звучит слово Тараса Шевченко, не раз с гордостью повторявшего, что жизнь его — часть жизни народа.

— Часто отмечается слитность в ваших произведениях документальной правды жизни и романтики. Я бы сказала, что «Знаменосцы», «Человек и оружие», «Циклон», «Тронка», «Берег любви», «Бригантина», вплоть до нового романа «Твоя зоря» создают впечатлительные циклические, хоть внешне перекликаются, но внешне не всегда. К примеру, Кирилл Заболотный в «Твоей заре» воспринимается как духовный преемник Юрия Бriansкого.

— Циклом «Знаменосцев» и «Твоей заре» я бы не назвал, но духовная преемственность их героев мне дорога. Как вообще дороги люди, живущие в крупных измерениях, способные страстно, самоотверженно действовать. Такие характеры меня привлекали всегда. Тут многое индивидуально. Одного писателя поглощает анализ теневых явлений жизни, другого больше ее солнечные стороны. Каждый, как говорится, должен петь своим голосом, лишь бы в нем не было фальши.

— И в самом сокровенном — в чувстве к жене для Заболотного, летчика-фронтовика, ныне дилеммата, убеждения и поступки неотделимы. И тут Заболотный близок Бriansкому, видевшему высшую красоту любви в верности. Но вот авторский комментарий к эпизоду, раскрывающему гармонию между Фойшей и Кириллом Заболотными: «Не слишком ли много становится в жизни диссонансов, если даже такие, по сути, обычные человеческие сценки начали нас изумлять?» Значит, определенное небажательное в сфере личных взаимоотношений людей замечено и писателем Олесем Гончаром, и у него вызывает горечь, укоризну?

— Очищающая сила любви, мужество и поэзия преданности есть, будут и завтра в окружающем нас мире. Показывать их — долг художника. Иногда люди сетуют, что ушли «тургеневские времена». Подлинная любовь, верность, способность выполнить до конца долг перед близкими предполагают высокую нравственную основу, требуют неустанного труда души. Как раз этому и призвана учить литература. Ее главный миссия — созидание. Не

«Прочитана и одобрена». Что кроется за этим, свидетельствует Микола Бахан в фильме «Олесь Гончар. Штрихи к портрету», только что законченном украинскими кинематографистами: «Ко мне пришел Юрий Иванович Яновский, такой приподнятый, такой возбужденный, каким он редко бывал. «Получил из Днепропетровска рукопись, называется «Альпы». Прекрасно, талантливо! Новая звезда восходит на небе нашей литературы!»

Война вновь стал студентом-филологом. Вручая ему членский билет Союза писателей, Александр Корнейчук, в похвалах обычно не поспешный, обронил словно в шутку: «У сержанта Гончара в ранце маршалский жезл». Задумался и великий шутник Остап Вишня, что видно из записи в его дневнике: «Олесь Гончар. Настоящий талант. Удержится ли! Думаю, что удержится и даст для литературы много хорошего. Я уже, пожалуй, не доживу до полного расцвета его своеобразного таланта. Хотелось бы. Очень!»

Только в нашей стране произведения Олесь Гончара издали тиражом двадцать миллионов экземпляров. Они переведены на тридцать языков. Ленинская премия, Государственные премии СССР, Государственная премия Украинской ССР имени Т. Г. Шевченко отмечают путь мастера слова, список наград Родины у которого открывается солдатским орденом Славы.

Улицы Ленина, дом, где не одно десятилетие живет писатель. На его рабочем столе — свежий номер газеты «Літературна Україна» с публикацией «Тычина читает «Тронку»».

беседы о мастерстве

Олесь ГОНЧАР:

СОЗИДАТЬ ЧЕЛОВЕКА

Поймут ли, примут ли? Встреча со школьниками за свидетельствовала: на главное, на гражданскую ответственность перед Родиной, обществом, на ценности духа они смотрят так же, как их отцы. В Лиде, юной героине романа, они узнали свою сверстницу. А вот за гибель главного героя на автора обижаясь...

В самом деле, обязательно ли закрывать книгу с сердцем, стиснутым болью? Конечно, трагический финал требует убедительной мотивировки, но так ли уж всегда обязательно концовки «счастливые», искусственно облегченные? Главное ли для искусства быть утешителем?

Иногда можно услышать: «И не очень глубока книга (фильм, спектакль) по мысли, художественному уровню, зато дает обильную информацию, и сюжет увлекает, все легко, концовка так приятна». Бесспорно, существуют и, очевидно, будут существовать в литературе и искусстве жанры, рассчитанные на то, чтобы доставить человеку веселые минуты, заполнить его досуг. Но сейчас речь не о них. Речь о том, что «увлекательность», а то и развлекательность не может быть главной целью творчества, большая литература возникает из иных побуждений. Классика — и русская, и украинская, духовная сокровищница литературы всех народов — учит нас: предназначение писателя — извлечь высший нравственный урок из жизни сегодняшней и прошедшей, придать событиям, явлениям действительную гуманистическую силу, способную помочь совершенствоваться человеческую личность. Не назидание, именно опыт нравственный нужен людям, чтобы помочь определить, как формируется, к чему устремлена человеческая личность, особенно ныне, в эпоху НТР. И скорбь может быть в этом нравственном уроке, и восторг, и страсть гневная — все это призвано активизировать в читателе мысли, чувства. Не уводить его от острых проблем, не утешать, а пробуждать высокую активность, способность сопереживания, чувство сострадания, понимая, что человек, способный страдать, отнюдь не ущербный человек. Не зря говорят: «Сердце болит, значит, оно есть»...

— Решающими, конечно, являются общий замысел, поставленная перед собой задача. Идеи, эстетическое чутье должны подсказывать автору меру пропорций, силу акцентов. При любых условиях важно помнить: секрет не только в том, чтобы хорошо написать, а и в том, чтобы вовремя поставить точку. Самоограничение — необходимое качество художника. Расставаться с героями, разумеется, автору нелегко. Но законы творчества суровы, подчас жестоки. Как и неизбежные расставания с дорогими людьми в жизни...

— Финал «Твоей заре» — представляется очень неожиданным. Спрашиваешь себя, была ли неизбежна эта гибель? Обязательно ли закрывать книгу с сердцем, стиснутым болью?

Олесь Терентьевич не спешит с ответом. И у меня в памяти всплывает негромкий голос: «Был момент в боях, его хотели забрать в дивизионную газету». Минометчик Гончар, вступивший в партию на фронте, не согласился оставить передовую. Дипломат Заболотный, коммунист того же фронтового призыва, не представляет для себя возможности уклониться от опасного задания, даже имея на то формальное право. Полетел, чтобы «заступиться за детей» — от имени ЮНИСЕФ, Международного детского фонда, встать на защиту маленьких африканских невольников. Самолет взял старт с американского континента, Африки не достиг...

— Трагические случаи на международных авиатрассах, к сожалению, не редкость. Нет, не мог Заболотный не лететь... Честь и долг, вся легка характера ведут его туда, где кто-то нуждается в его помощи, его защите. Живет в нем, сказать бы, рыцарское начало. И гуманистом он считает себя ведь не на словах. Чем очевиднее опасность, тем яростнее его внутреннее мужество.

— Была у меня месяц назад встреча с десятиклассниками. Обсуждали «Твою зарю». Еще раньше конференция по роману прошла на Кировоградщине, в городе горняков Александрин. Живой возник разговор. Но то читатели близких мне по возрасту поколений, а то — школьники, новая генерация. Роман-то о проблемах более чем взрос-

ния, что литература — прежде всего труд, работа, бесконечно ответственная работа. Когда-то, в годы молодости, встретил меня в Москве Александр Твардовский, печатавший в журнале мои рассказы. Спросил: «Ну, как пишется?» — «Что-то становится труднее». — «Труднее? Вот это хорошо, это к лучшему». Пожалуй, есть в этом резон.

Бывает, правда, материал сопротивляется оттого, что замысел не был достаточно ясен, точен. Лучше, легче даются страницы, когда между замыслом и словом — гармония. Прозаиком известно, что наиболее неподатлива первая фраза. Она камертон, от нее тональность всей книги, ее стилистика, музыкальные настрои. Множество начал летит в корзину.

Рассказываю, чтобы молодость, приходящая в литературу, была готова к напряженнейшему труду. Чтобы ощущала ответственность за родной язык. Ведь за глубинами языка — глубины духовности, генетическая сила народа, переданная нам предками, как драгоценное и вечно живое наследие.

Внешней весной мне довелось побывать на совещании молодых писателей Словакии. Знаменательно, что оно проходило в канун празднования 35-летия Победы. Я давно не бывал там, на земле, которую вместе с другими частями Советской Армии освобождал и наш гвардейский полк. Реальностью стала здесь новая яркая жизнь. Ее воплощение — и юная творческая смена старых мастеров. Слышим голоса тех, кого не было на свете, когда шли бои здесь, на взгорьях, где цветут теперь знаменитые сады Словакии.

— В последнее время все чаще говорится о планетарности литературы. Что вы думаете об этом?

— Не так давно во Франции опубликованы любопытные данные, согласно которым люди сегодня меньше смеются, мир становится вроде бы угрюмее. Можно по-разному отнестись к подобным сообщениям социологов, однако нет сомнений, что людям в разных концах земли, многим и многим в современном мире живется тревожно. Осознание этого рождает вместе с тревогой и чувство повышенной ответственности за судьбу мира. Стало поистине планетарным всемирное движение за мир, самое массовое и самое демократическое движение в истории человечества. Литература, искусство — могучее оружие в этом движении.

Растущие глобальные мотивы в современной литературе и искусстве определяют общностью судьбы современного человека. Его жилище — планета. Сбережь ее можно лишь сообща. Взаимопонимание становится поистине жизненной необходимостью. Вот почему связь литератур разных народов сегодня сильнее, чем когда-либо. Конечно, каждая литература вырастает на собственной национальной основе, только тогда она неповторима и действительна. Но само время диктует глобальный характер многих проблем и конфликтов, которые все более занимают современную литературу.

В свое время прогрессивные писатели Запада немало сделали, чтобы утвердить гуманистические традиции мировой литературы. Сегодня же знамя гуманизма все выше поднимают писатели социалистических стран, прежде всего им нести это знамя дальше. Наш, социалистический гуманизм сложился в грозных битвах. Порой встречаешь термин: «военная литература». Не так хочется сказать. Советскими писателями создана беспримерная по широте охвата событий и гуманистической страстности литература о человеке на войне. О человеке, оказавшемся в трагичнейшей античеловеческой ситуации и преодолевшем все — все, что требовалось преодолеть во имя Победы. Многие фронтовики знают, как много значила для состояния духа, собранности и стойкости бойцов гуманистическая литература. Она вооружала нас идеями, за которые стоило не щадить жизни. Гитлеровская армия знала лишь изуверские призывы, устранила фактор совести, в ней жестоко насаждались «жестокость во имя силы», расизм, человеконенавистничество. О Победа наша над фашистами — это победа больших нравственных идеалов над грубой силой захватчика, над бездуховностью. Тем дорожке нам идеалы, приведшие к Победе.

— Олесь Терентьевич, известно, что у вас много партийных, государственных и общественных обязанностей. Как удается вам раздвинуть границы суток, победить такую острую сейчас для каждого нехватку времени?

— Есть хорошее выражение: хозяин своего слова. И в других ценю обязательность, ответственность за данное слово, взятое на себя дело, стараюсь и сам быть таким. Время подвластно даже в наш скоростной век каждому, кто по-настоящему ценит его, дорожит каждой минутой творческой жизни.

— Новый год — год знаменательный: состоится XXVI съезд нашей ленинской партии. Что пожелаете вы, Олесь Терентьевич, читателям?

— Здоровья, созидания, мира. Всем и сто всей души!
Беседу вел Л. ВИРИНА.
КИЕВ.